

Священник Владимир Зелинский **Разум и Писание**

«Печаль» и «веселие»

Есть два внутренних побуждения, стимулирующих работу нашей памяти, как бы два удара молоточком, которые высекают воспоминания, таящиеся под спудом: перенесенная некогда боль (во многих ее разновидностях: стыд, гнев, обида...) и благодарность. Голос благодарности куда более тихий, чем стон боли, зато у нее больше тем, вариаций, имен. Благодарность – это всегда зашифрованная весть о Боге, о Котором мы узнаем, еще до того, как овладеваем языком или только алфавитом веры. Иногда обе эти вида памяти, та, которая отзывается болью и та, которая откликается благодарностью, как бы сливаются воедино. «Нет ничего страшнее памяти смертной и дивнее памяти Божией, – говорит Добротолюбие, – та вселяет спасительную печаль, а эта исполняет духовным веселием. Ибо пророк Давид поет: «Помянух Бога и возвеселихся» (Пс 74:6); а Премудрый учит: «поминай последняя твоя и во веки не согрешишь» (Сир 7:39)». (Илия пресвитер, Добр.Ш, 432).

Настоящее мое размышление будет посвящено скорее духовному веселию, чем спасительной печали, хотя и то, и другое служит познанию памяти Божией. Но если говорить о познании Священного Писания, то оно происходит прежде всего в радости, с «веселием Давида». «Радуюсь я слову Твоему, как получивший великую прибыль... Душа моя хранит откровения Твои, и я люблю их крепко» (Пс 118, 162, 167). Впрочем, всем ли эта радость доступна, всякая ли душа готова откровения полюбить? Есть старый забытый спор о восприятии Библии, так до сего дня и неразрешенный. Протестантизм говорит (устаами Лютера): нет на свете более ясной Книги, всякий сапожник, любая кухарка способны ее понять. Православие откликается (когда откликается): Да, действительно, Библия может быть яснее ясного, но ведь эту ясность надо еще стяжать, этой ясности надо научиться, стать достойным ее. И потому начнем со спасительной печали покаяния в своем неразумии, в гордыне и несмирении, и дабы не согрешить ложным мнением, пойдем прежде всего на выучку к тем, кто уже воспитал свой ум для Слова, т.е. к толкованиям святоотеческим.

Если мы прислушаемся к католическому решению, то оно типологически близко к православному, только здесь роль святоотеческого наследия при подходе к Писанию принимает на себя не какая-то далекая в веках, духовная, авторитетная инстанция, а вполне конкретная иерархическая структура, следующая в свою очередь не менее конкретным вероучительным документам, последним из которых является Конституция Второго Ватиканского Собора Dei Verbum.

Пожалуй, православное решение, изложенное здесь достаточно вольно, представляется мне наиболее глубоким, хотя ни один древний авторитетный учитель не вправе лишать ученика его свободы. Чтение Писания, или скорее общение с ним, – это всегда благодатное событие, которого Христос удостоивает нас, но к этому достоинству ума, внимающему слову Божию, мы

еще должны найти доступ. Откровение Писания подобно чуду, а чудо, как мы знаем, происходит по милости Божией, как и по нашей вере. В данном случае речь идет о чуде, которое совершается в разуме.

Спрятанная жемчужина

Описание этого чуда в Евангелии очень кратко, оно занимает одну строку. Строка эта всегда казалась мне загадочной. Когда Иисус перед самым Вознесением в последний раз встречается со Своими учениками, ест с ними рыбу и мед, Он как бы выступает экзегетом слов Своих, сказанных во времена земного Его служения. «Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах. Тогда отверз им ум к уразумению Писаний» (Лк 24:44-45).

Ученики Воскресшего, должно быть, и раньше не были обделены умом и, разумеется, знали Писание, причем не понаслышке, как «невежды в Законе», а пройдя школу самого Иисуса, у которого Писание, судя по евангельским свидетельствам (особенно от Матфея), буквально не сходило с уст. И все же ум их нуждался в «отверзении», в некоем изменении внутреннем для того, чтобы уразуметь то, что они и так знали, помнили, может быть, выучили назубок. Но Христос «отверз им ум», словно дал опознать Самого Себя в «законе..., пророках, псалмах». Мы знаем, что чтение священных Текстов было действием сакральным, овладевающим не только умом, но и освящающим все существование иудея. В религии Моисея всегда существовала традиция разгадывания тайного эзотерического смысла, скрытого за буквами Торы, и в этом смысле Иисус как бы оставался в ее русле. Однако тайный смысл Писания есть в то же время смысл предельно открытый. Этот смысл есть Он Сам, Бог-Слово, Слово же говорит, обращается к нашему разуму. «Я говорил явно миру, – так Иисус защищает Себя на суде первосвященников, – и тайно не говорил ничего» (Ин 18:20). Открытость, явленность Христа остается самой непостижимой Его тайной. И эта явленная тайна живет и в нашем познании. Слово Божие мы стремимся познать верой, но верой, взыскующей разума, не желающей оставаться в некотором мистическом полумраке со скользящими вокруг тенями. Недаром образы Христа, которые мы находим в Писании и достойных доверия толкованиях его, всегда конкретны, зримы и даже предметно «тверды». Он – жемчужина, спрятанная в поле, по толкованию св.Ириней Лионского, однако поле – это весь мир. «Эта жемчужина сокрыта в Писании под покровом разных образов и притч, которые нельзя было понять до пришествия Христова, – говорит св.Ириней. – Об этом было сказано пророку Даниилу: “сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее и умножится ведение”» (Дан 12:4).

Однако – прервем цитату – эту жемчужину мы находим, она сама бросается нам в глаза. «Также и Иеремия говорит, продолжает св. Ириней. – «В последующие дни вы ясно уразумете это» (Иер 23:20). Поистине всякое пророчество являлось лишь в качестве загадок, но в момент совершения оно приобретает точное свое значение» («Против ересей»). Ириней Лионский традиционно относит это различие пониманий Ветхого Завета к противопоставлению иудейского и христианского истолкования Писания, но разве не были уже христианами те благочестивые иудеи-апостолы, обедавшие когда-то с Воскресшим Господом на берегу Галилейского озера? Однако и они, как читаем, нуждались в «отверзении ума». И не только они, но и мы с вами тоже, и, наверное, куда в большей степени. Дело здесь вовсе не в притчах и прикровенных образах; многоценная жемчужина заброшена в нас в виде

совершенно ясных евангельских слов («ибо на свете, повторим, нет более ясной книги»), и вместе с тем каждому эту ясность нужно извлечь из неисследимой тайны, до последней глубины которой никому из нас не добраться.

Исполнение Слова

«Исследуйте Писания..., а они свидетельствуют о Мне», – говорит Иисус ([Ин 5:39](#)). Попробуем подойти к свидетельству Писания, начав со времени, на которое ссылается св.Ириней. Иеремия предрекает «последующие дни», благоприятные для уразумения, Даниил – «последние времена, когда умножится ведение». Вспомним слова Иисуса в синагоге Назарета после чтения пророка Исайи: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» ([Лк 4:21](#)). Все Писание исполняется во Христе, Закон и Пророки, Писание надежд, когда от «избытка сердца говорят уста» и безмолвное писание твари, «стенающей донныне», писание звезд и писание трав, писание рек и писание времен. «Последние времена» или «последующие дни» вмещают в себя полноту Божию, телесно обитающую во Христе. Также и земные, исторические дни Иисуса могут стать днями исполнения Слова, вместить в себя полноту Царства Божия.

«Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие» ([Мк 1:14-15](#)).

Время исполняется – онтологически, в предвечном замысле Божиим – и остается историей, часами и днями, проведенными в Галилее. Царство приблизилось – и осталось невидимым, как для глаз, так и ума. Две тысячи лет существования Церкви Христовой представляются мне путем в сторону Царства, которое близко, в каком-то невыразимом соседстве с нами, хотя мы его и не видим, к этому исполнившемуся времени, хотя мы его и не чувствуем. Это царственное время приоткрывается в опыте святых, в молитвенном подвиге и озарении, в любви, которая не ищет своего, наконец в таинствах Церкви, прежде всего в Евхаристии. Когда мы приближаемся к этому опыту, мы имеем в себе свидетельство, которое невозможно уловить, хотя оно и остается в нашей памяти, того что нечто действительно произошло. «Новое время, время Царства Божия и исполнения его Церковью, входит теперь в падшее время «мира сего», чтобы нас, Церковь, возвести на небо и претворить в то, «что она есть»: Тело Христово и Храм Святого Духа» (Прот.А.Шмеман, Евхаристия. Таинство Царства, Париж, 1988, стр. 59).

«Претворить в то, что она есть» можно и должно не только Церковь как Тело Христово, но и Церковь как Слово Божие, которое пребывает внутри нас. Писание есть словесное Тело Христово и местопребывание Святого Духа, построившего Себе храм в священном Тексте. Однако «Всевышний не в рукотворных храмах живет», по слову первомученика Стефана ([Деян 7:48](#)), стало быть, не только в буквах, фразах и смыслах Текста, хотя этот текст служит для Него почвой и кровом, и телом, но в чем-то таком, что нельзя ни осязать, ни помыслить. Так и Писание, когда разум усваивает его, цитирует, анализирует его текст, остается по сути скрытым, нуждающимся в том, чтобы его открыли, отверзли для подлинного разумения, для исполнения времени его – в нас.

Покрывало, лежащее на сердце при чтении Писания, снимается Христом, как говорит ап.Павел (см. [2 Кор 3:15](#)). Павел в своем послании говорит лишь о «сынах Израиля», но здесь есть иносказание. Такое же покрывало лежит на сердцах у всех, и снимается лишь употребляющими усилие, по слову Иисуса.

Когда наш ум уразумевает для себя Писание, то Царство будущего века, Царство Христово, выступает из его скрытых недр и заполняет его и тогда наш ум становится неожиданно свободным и в эсхатологическом смысле «царственным».

«Ибо Царство Божие внутри вас есть».

«Тайна, сокрытая от века...»

Есть прямая аналогия между «внутренним деланием» и уразумением Писания, ибо и то и другое совершается в сердце человека. Разум, который делает вид, что отдает приказы, – говорит нам «пойди», и мы идем, говорит «сделай», и мы делаем – на самом деле лишь выполняет работу управляющего. Он ведет нашу мысль туда, куда ему указали, однако того, кто задает направление, всегда бывает почти невозможно застать за работой. «Из сердца исходят злые помыслы...» – и наш ум с готовностью облекает их в мысленную форму, однако когда к сердцу приближается Царство, пусть даже издалека, оно может дать какие-то побег и в нашем разуме, даже и в философствующем. Отсюда возникают многие непреложные доказательства бытия Божия, чей мрамор тотчас превращается в солому, как только Бог исчезает с нашего горизонта.

Мы знаем, что есть аскетическая практика нисхождения ума в сердце, коей овладевали лишь после долгого молитвенного подвига, и она применима в той же мере и к аскезе Писания. Ум нисходит в сердце Писания, освобождаясь от тяжелого покрывала, затемняющего его смысл. И там, в сердце, которое открывается приблизившемуся Царству, наш разум учится читать по складам «письмо Христово (через служение наше) написанное не чернилами, но Духом Бога Живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор 2:3). И здесь есть иносказание, если мы вспомним известную молитву: вынь из меня сердце каменное, даждь мне сердце плотяное. Ибо от каменного сердца каменеет и разум, плотяное же сердце, сердце, которое перекачивает живую кровь, может овладеть и азбукой «письма Христова», написанного Духом.

«Отцы и братия, – говорит св.Симеон Новый Богослов, – духовное познание подобно дому, построенному посреди познания мирского и языческого, в котором хранится запечатанный шкаф, а в нем сокровище богодухновенных Писаний, и это сокровище никогда не смогут увидеть входящие в дом, пока не будет он им открыт. Однако человеческое знание никогда не сможет открыть его, и потому богатства заложенного в нем Духа остаются неведомыми мирским людям.

Человек, не сведущий о том богатстве, заключенном в запечатанном шкафу, может взвалить его себе на плечи, как он мог бы прочесть и выучить наизусть все Писание, цитируя его как Псалом, не ведая о том даре Духа Святого, который сокрыт в нем» (Cath. 24).

Когда Христос отверз ум Своих учеников для уразумения Писания, Он открыл его как некое хранилище, чтобы пролить свет на то, что таилось в темноте, было там спрятано. Таилось же там пророчество о Живом Христе, Который в тот момент стоял перед апостолами, Его распятии, Его телесном Воскресении («осяжите Меня и рассмотрите...»), и собственно, именно такое опознание истины сделало их апостолами, «отвержение ума» было действием Святого Духа еще до Пятидесятницы. Ну, а после нее, когда мы уже не знаем Христа по плоти, Дух совершает то же чудодействие: отверзает ум наш, запечатанный как сейф, запертый как темница, чтобы освободить тайну Христа, «тайну, сокрытую от века...», которая загорается в сердце и облекается в познание, оставаясь недоступной, непознаваемой.

«Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах» – восклицает апостол Павел (Кол 4:3).

«Затмение Бога»

Только почему дверь эту надо все время открывать? Почему тайна Христова нуждается в освобождении или в очищении, требующем усилий? Нелегко объяснить почему, но мы знаем твердо, что это так. «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча...» (Евр 4:12), но меч тупеет и ржавеет в уме нашем, оставаясь без употребления. Тайна тускнеет с ужасающей быстротой, если не снимать с нее тяжелых испарений земли или патины времени. «Затмение Бога» – так называется одна из книг Мартина Бубера, – есть не какое-то помрачение лишь одной тупой безбожной эпохи, но постоянный фон человеческого существования в истории. В современном российском обществе, лишь так недавно вышедшем из беспросветной полосы гонений и зажимов, поначалу, казалось бы, религиозно восторженными, потянувшимися к Слову Божию, доля постоянно читающих Священное Писание, живущих им, вероятно, достаточно мала среди массы переступающих порог православных храмов, а сама эта масса, заметим, никак не превышает пяти процентов российского населения. На Западе же столько отпрысков из традиционно христианских семей, в юности побродив по наркотикам, дискотекам и восточным религиям, часто в конце концов так и остаются в одной из них, например, буддизме, кришне или исламе. Причина проста, по крайней мере, на первых порах: им там ново, экзотично, а, главное, нескучно. Потом уже, когда вы принимаете какую-то веру, ее логика начинает действовать в вас уже самостоятельно, а западный человек нередко следует своей логике до конца. Так, в Италии самые жесткие, наименее диалогичные из приверженцев Корана, требующие снятия распятия со школьных стен, – прозелиты из итальянцев.

Впрочем, может быть, они и правы. Когда средоточие веры нашей, осязаемое, как все в христианстве, и столь же недоступное для разумения, выглядит как некая безделушка, часть мебели, атрибут культуры (защитники распятий, так и говорят: «атрибут культуры»), может быть, его лучше спрятать. Не берусь судить. Но точно также и Слово Божие, распахнутое для всех, незащищенное, как и любые человеческие слова, легко становится частью нашей повседневной, нашей религиозной, нашей стершейся речи. Нет слова более изношенного, чем «Бог». Если где-то существует Гулаг для слов, то «Бог» должен находиться там в самом гнилом, последнем месте, на общих работах. Ибо «Бог» не сопротивляется, не защищает Себя ни от повседневной болтовни, ни от того, чтобы служить атрибутом нашей атавистической, племенной или сентиментальной религиозности. Кстати, в исламе, а в иудаизме особенно, предусмотрены специальные средства ограждения святости того, что не должно произноситься всуе. Да и в христианстве, нашем православном, католическом, протестантском христианстве, такие средства имеются, только остаются без употребления.

Часто бывает невыносимо видеть всю эту захламленность на «месте святе». Проповеди, которые мне доводится иногда слышать по телевизору или в храмах, многословны, приземленны, благодушно моралистичны, иногда невыносимо пересахарены. Священные символы как атрибуты культуры стареют прямо на глазах, жизнь медленно-медленно (ибо традиция еще сильна) тает в них. Христианство, на мой взгляд, уходит в какое-то подполье, может быть, очень уютное, очень культурное, со всеми юридическими гарантиями для свободы совести, предоставляемыми обществом, которое эту самую совесть душит иным, но тоже очень цивилизованным способом.

Впрочем, и подполье может пойти нам на пользу. Оно в силах сделать то, что не удалось сделать ненависти и насилию: пробудить память о смертности христианской цивилизации, как и о смертности нас самих не только как биологических существ, но и как наследников великого Предания, которое будет некому оставить. Не потому, что последующие поколения будут совсем уж невосприимчивы к наследию христианства, но потому что мы разучимся открывать Слово Божие, в самих себе. В самые благополучные, в самые «симфонические» времена об этом предупреждали столь укорененные в этом наследии святые как Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадский. Их исторический пессимизм, звучавший, вероятно, чудачеством в православной империи, оправдал себя более чем с лихвой, однако ни пессимизму, ни оптимизму в христианстве никогда не принадлежит последнее слово. Последнее Слово – всегда Божие, и каждому поколению, каждой христианской душе следует отыскать его, ибо оно в нас самих.

Оно есть то «письмо Христово», «написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками» (2 Кор 3:2). В этом «письме» зашифровано, простите слишком современный язык, ДНК нашей человечности в Боге. В том письме – ключ к любым открытиям, в том числе и научным, как и загадкам будущей истории. И когда его больше не хотят читать, оно как бы стирается само собой, и на месте его все прочие экзотические, мистические или гуманистические школы пишут свои письма.

Когда Христос отверз им, ученикам, и всем нам, вслед за ними – ум к уразумению Писания, Он открыл в то же время и природу нашего разума, способного, как некогда чрево Девы Марии, нести в себе тайну Слова. Эта Тайна и есть Он сам, который «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8). Вчера – в Писании, сегодня – в вере, во веки – как Судья, Спаситель, Премудрость, сотворившая мир и Любовь. Это открытие разума дается и как дар и как задание всей жизни, требующее извлечения, откапывания, ибо Слово всегда лежит глубже, чем мы видим, чем можем догадаться. Это раскапывание требует иногда не только невероятных, непрестанных усилий, но и множества жертв. Столько ценных пород нашей души приходится выбрасывать, столько глубоких мыслей бывает необходимо подвергать «феноменологической редукции», чтобы докопаться до их ядра. Но многоценная жемчужина стоит того. Ибо в ней Закон и Пророки, Отцы и свидетельства собственной нашей души. Я закончу словами одного из самых великих учеников Христовых, преп. Максима Исповедника, который точнее, дерзновеннее говорит то, что и мне хотелось бы сказать:

«Научившийся, наподобие патриархов, откапывать в себе (духовное) делание и созерцание колодези ведения, обретает внутри (них) Христа – Источника Жизни. Премудрость нас призывает пить из него: «Пий от своих сосудов и от твоих кладенцев источника» (Притч 5:15) – исполняющие это обретут сокровища Ее, сущие внутри нас». (Гностические главы, Вторая Сотница, 40).

И вот, простите, еще:

«Слово Священного Писания благодаря возвышеннейшим умозрениям совлекает с Себя (всю) телесную связь речений, облекших его, являясь словно в глазе хлада тонка (2 Цар 19:2) зоркому уму... Подобное случилось с великим Илией, удостоившимся в пещере Хоривской столь великого видения... Пещера же есть сокровище мудрости, (таящейся) в уме; оказавшийся в ней таинственно ощутит ведение, которое превышает всякого чувства; в ней, как говорится, обитает Бог» (Там же, 74).